

ным семантическим содержанием. К сожалению, по собственному признанию автора, он не может дать окончательный ответ на вопрос, как возник этот поэтический образ в народных песнях южных славян. При этом автор высказывает сомнения в правильности мнения Ф. Е. Корша, что эпитет может быть связан с греческим словом *ἔξαπτερυγος* или *ξεφτέρι* как названием сокола или ястреба.²¹ Полагаем, что это предположение Ф. Е. Корша заслуживает большего внимания, чем было ему уделено Н. М. Дылевским. Несомненно, что употребление *ξεφτέρι* в смысле «сокол»²² является символом «быстрого» и именно так и мог быть назван Хрельо, эпический герой южных славян.

Если, как говорит Н. М. Дылевский, под эпитетом «шестокрилы» или «шестокрилец» в южнославянской эпической поэзии следует искать «легендарные качества», то несомненно, что быстрота и ловкость — качества, принадлежащие известной исторической личности средневековья. Не следует, однако, пренебрегать и влиянием библейско-христианского образа серафима и херувима, отражавшегося очень часто в церковной живописи.

В последней части своей статьи Н. М. Дылевский дал интересную параллель между текстом «Слова о полку Игореве» и средневековой анонимной болгарской хроникой первой четверти XV в. (последняя опубликована мною: Из старата българска книжина, II. София, 1944, 265 стр.). Параллели относятся к описанию начала второй битвы, данной в «Слове».

Вторая упомянутая статья Н. Дылевского посвящена толкованию выражения «стязи глаголють» в «Слове о полку Игореве». Используя богатую литературу, автор формулирует некоторые интересные выводы. Прежде всего, по его мнению, слово «стяг — стязи» необходимо понимать в его прямом значении — «знамя», а не в смысле «знаменосец». Выражение же все целиком требует, кроме того, толкования в смысле «знамена говорят, развеваемые бурей», что представляется закономерным явлением, поскольку оно предопределяется остальными моментами этой насыщенной трагизмом картины. Вместе с тем Н. М. Дылевский принимает интересное мнение Д. С. Лихачева, что здесь идет речь не о русских отрядах, а отрядах нападающих половцев. Итак, заключает Н. М. Дылевский, развевающиеся от ветра многочисленные знамена наступающих половецких орд ввещают русским о своем приближении. «Но в таком случае, — пишет Н. М. Дылевский, — знамена уже не „молвят“, не „говорят“, так как расстояние велико и русские не могут слышать, а сообщают своим видом». Вообще, по словам Н. М. Дылевского, выражение «стязи глаголють» нужно рассматривать только как метафору, как образ, органически спаянный с предшествующим текстом, объединенный с ним по содержанию и по форме.

Как известно, одним из сыновей болгарского царя Симеона (893—927) был Боян, о котором западный писатель X в. епископ Кременский Лиутпранд сообщает, что он занимался так называемой имитативной магией. Эти сведения итальянского автора, современника, разумеется, давно привлекли любознательность ученых. Некоторые ученые высказали в связи с этим предположение, что Бояна, в сущности, следовало бы отождествить с легендарным певцом русского «Слова о полку Игореве». Такое отождествление предложил еще в первой половине прошлого века Ю. И. Ве-

²¹ См.: Ф. Е. Корш. «Слово о полку Игореве». Исследования по русскому языку, II, в. 6. М., 1909, стр. LXII.

²² Интересный пример употребления слова в этом значении дан в книге: С. Giannelli. Un lexique macédonien du XVI-e siècle. Paris, 1958, стр. 25.